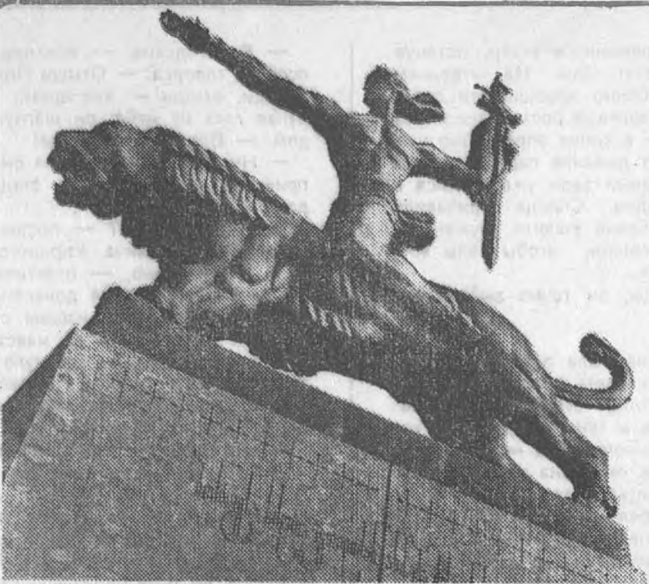

Монумент «Победа» в городе Гори. Скульптор Э. Амашукели, архитектор В. Давитая

ЗАПИСЫВАЯ в свое время эту историю, я вовсе не думал о ее значении и потому особенно обрадовался, когда оказалось, что она совпала с выдвижением на Государственную премию СССР сооруженных скульптором Элгуджей Амашукели и архитектором Вахтангом Давитая в Гори и Потти мемориалов в память о героях, не вернувшихся с войны.

Минувшим летом пришлось мне ехать на машине из Тбилиси в Сухуми. Был воскресный день. По каким-то причинам в свое время я не смог приехать на торжественное открытие работы Элгуджи и Вахтанга, и решил теперь, проезжая Гори, чуточку свернуть с главной дороги, и вдруг оказался лицом к лицу с мемориалом. Говорю — вдруг, потому что встреча с оседлавшим льва солнцеликим юношей, простершим навстречу мне правую руку, а в левой сжимавшим меч, была настолько неожиданной, что я вздрогнул и отпрянул назад.

Эти два льва — один краше и могущественнее другого — словно мчались, сорвавшись с крутых зубчатых стен Горийской крепости, сметая и сминая все на своем пути, и, казалась, их бешеное стремление вперед не смогут остановить тысячи людей, даже если бы они преградили им дорогу. Эту неуправляемость ощущал и сам отлитый в металле всадник, выражая ее своей пластикой, мужеством, торсом, ребрами, грудной клеткой, мышцами, всем своим существом.

«Его не тронь!» — удерживал всадник льва, и тот, покорный воле хозяина, смиренно смотрел куда-то мимо меня, не замечая. Наверно, обо

всех восхищенных прищельцах и зрителях всадник так говорил своему льву: «Его не тронь!» И действительно: всадник и его лев, застывшие в настоящем, никого не трогают, просто они глядят из минувшего в грядущее, устремившись к этому грядущему, и конкретное время исчезает, претворяясь в апологию мощи и отваги, красоты, любви к родине и миру, апологию таланта и мастерства.

...Почему все же эта заметка — не рецензия на скульптурный мемориальный ансамбль, а рассказ или история? Потому, что в это время

ВСАДНИК, ЛЕТАЮЩИЙ В БУДУЩЕЕ

я был здесь не один. Нас было двое, и тот, второй, был первым, он пришел раньше меня. Я не сразу заметил его, так как все мое внимание было обращено на памятник, но потом услышал какое-то бормотание и увидел человека, который разговаривал сам с собой, вернее, не с собой — с памятником.

Это был крестьянин, зажимавший под мышкой небольшой, литров в пять-шесть, полупустой бурдючок. В правой руке у него был стакан с красным вином, и, как я уже сказал, он разговаривал с солнцеликим юношей и со львом — с обоими сразу. Он показался мне чуточку захмелевшим.

Прислушавшись к его бормотанию, я не удивился, наоборот, обрадовался, потому что он говорил то, что я хотел сказать сам.

— ...Где же вы были, такие-сякие, при Горгасале или Давиде, я говорю о Давиде Строителе... В скольких делах и битвах нужна им была ваша поддержка... И с Тамар вас не было, и с Ираклием... Хотя если бы не было вас, раз-

ве дожили бы мы до этого дня!..

Помолчав, он продолжал: — Наконец-то вернулся ты, Лад! Молодец, парень! Вот так и надо возвращаться, как ты...

Я почувствовал дрожь в теле.

— С кем это ты разговариваешь, дядя? — спросил я, приближаясь.

— Сперва поздоровайся, — ответил он, как будто стыдясь, но не желая показывать этого.

— Здравствуй! Но все же, с кем ты говорил?

— А ты и не знаешь, да? — он искоса глянул на меня.

— Откуда мне знать, я только подошел.

— Уже целый час все ходишь вокруг да около, — сказал мне крестьянин. А я и не заметил, что находился здесь столько времени, да к тому же ходил вокруг памятника.

— Ну-ка, возьми стакан и выпей за его здоровье.

Я взял стакан и сказал: — Солнцеликий юноша, пью за твоё бессмертие!

— Его зовут Лад, — напомнил крестьянин.

— Почему? — удивился я.

— Похож очень... Если б ты знал, как похож! Он в 43-м погиб, мой односельчанин.

— А ты сам откуда, из каких мест? — спросил я.

— Из Меджарисхеви. Каждое воскресенье приезжаю в Гори. Не на базар торговать,

нет. Захвачу бурдючок с вином, как соскучусь по нему, и еду. — Тогда он сказал мне свои имя и фамилию, да и погибшего на фронте Ладо фамилию тоже, но я запомнил, а выдумывать не хочу.

— Ты-то сам откуда едешь? — спросил он в свою очередь.

— Тбилисский я. — Тебе длиннее путь пришлось проделать, чтобы повидать его.

— Да, повидать его, — повторил я, слегка покривив душой и не признаваясь, что заехал по пути в Сухуми.

— Помоги тебе бог, — благословил он меня.

— И тебе тоже, — ответил я и выпил.

— Я бы тебе еще налил, но и для других хочу оставить, — сказал он с извиняющейся улыбкой, глядя на полупустой бурдюк.

— Что вы, и за это спасибо, прощайте.

— На здоровье, и счастливого пути, — крикнул он мне вдогонку.

Подходя к машине, я не стерпел и обернулся:

— Слушай, а ты хоть знаешь, кто его сделал?

— Никто не сделал, пришел и сам встал здесь. Знал, где ему встать! — ответил он.

Я сел в машину. — Пьяный был? — спросил водитель.

— Он был трезвее нас с тобой. Вперед гляди, бога ради, не то наедешь на кого-нибудь, — почему-то рассердился я.

Всю дорогу из головы не шла мысль о всаднике, оседлавшем льва, и о том крестьянине. Сейчас я думаю, если эта заметка попадется ему на глаза, не обидится ли он, что я не вспомнил его фамилию.

Хотя чего ему обижаться! Главное, он был человек.

Нодар ДУМБАДЗЕ

122